

В нем рождается мысль о силе и значительности народа, его причастности к подлинной красоте жизни (*Бородино, Родина*). У него появляется убеждение, что «хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого»¹.

В свете этих изменившихся взглядов и рассматривает, и судит поэт своего героя — и романтического героя вообще. Не случайно в некоторых из его последних произведений наблюдается уже явный пересмотр отдельных «демонических» настроений и символов (например, стихотворение *Валерик* с характерными заявлениями: «Душою мы друг другу чужды/ Да вряд ли есть родство души...»; «У бога счастья не прошу/ И молча зло переносу») и — момент еще более характерный — попытка найти конкретное социальное наполнение понятия идеала, связать его с народом, с подлинным гуманизмом простого человека (*Бородино, Поэт, Родина, Валерик* и др.), с «гордой верой в людей и жизнь иную» (*Памяти Одоевского*). С этим связано и критическое отношение поэта к романтическому герою в ряде произведений последних лет. Не случайно в поэме *Саишка* он отграничивается от софистики «моралистов»:

... Я совсем не моралист
 Ни блага в зле, ни зла в добре не вижу
 Я палачу не дам похвальный лист,
 Но клеветой героя не унижу.

Эти слова свидетельствуют о выработке у поэта более четких этических представлений, не смешивающихся с условными представлениями «толпы», но и не обладающих уже явным релятивизмом мышления самого поэта в юности. В свете этих представлений в своей знаменитой *Думе* он гневно клеймит «постыдное» равнодушие своих современников к добру и злу, в *Сказке для детей* намеревается дать сатирическую зарисовку героя, столько лет пленявшего его юношескую фантазию и, наконец, в *Герое нашего времени* осуществляет намеченное уже в *Маскараде* и *Саишке* реальное воплощение этого героя, позволившее не только раскрыть, но в известной мере и объяснить его противоречивость.

Но если последние произведения Лермонтова тем самым уже прокладывают пути для дальнейшего развития русской литературы, превосходящая Толстого, Достоевского² и всю реалистическую литературу XIX века, столь страстно погруженную в решение моральных проблем, то поэма *Демон* остается наиболее ярким во всей русской литературе образцом *романтической* постановки тех же проблем, своего рода кульминационным пунктом, заключающим в себе всю противоречивость, всю сущность романтического мировосприятия.

И в этом пункте у Лермонтова налицо расхождение с поздним Белинским. Идеал «нового романтизма», провозглашаемый критиком, явно выхо-

¹ См. об этом Б. М. Эйхенбаум, *Статьи о Лермонтове*, стр. 91—98.

² О близости автора *Демона* к Толстому и Достоевскому пишет М. Новиков в работе *Лермонтов в свете современности*. См.: *Lermontov în lumina contemporaneității*, „Romanoslavica“, XII, Бухарест, 1965, р. 171—172.